

резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное „сверху“ освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учреждениям национального масштаба стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д.» (Соч., т. XIV, стр. 18).

Или еще один пример; достаточно известно, какое огромное значение имел образ Петра I в творчестве Ломоносова, но далеко не только одного Ломоносова, а почти всех писателей XVIII в., и Радищева в том числе. Но мы хорошо поймем весь драматизм борьбы за образ Петра между Ломоносовым, Фонвизинным, Радищевым, с одной стороны, и, напр., Екатериной II — с другой, если усвоим во всей глубине характеристику Петра, данную нам Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным.

В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом Сталин указал, что «Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев» (Большевик, 1932, № 8, стр. 33). При этом Сталин указывает также, что «возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры» (там же). Энгельс писал о Петре: «Этот действительно великий человек, великий совсем не так, как Фридрих „Великий“, послушный слуга преемницы Петра, Екатерины II, — первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию» (Соч., т. XVI, ч. II, стр. 10).

Ленин сказал: «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» (Соч., т. XXII, стр. 517).

Эти указания, дающие совершенно единое толкование роли Петра и его деятельности, должны обосновать наше понимание как литературы времени Петра, так и литературы после-петровской, так и самой темы Петра в русской литературе.

Так же обстоит дело и с другими проблемами; обращаясь к классикам марксизма, мы черпаем у источника понимания глубоких основ историко-литературного процесса XVIII века.

3

Совершенно понятен и закономерен особый интерес, проявленный советской наукой по отношению к демократическим течениям русской литературы XVIII столетия. Дореволюционная традиция русской официально-академической и буржуазной науки дала в этом направлении очень мало материала. Только работы